РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

2(19)
осень – зима
2013

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

«Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *катибов*»): секреты мастерства средневековых *катибов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5

«Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18

Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. Хосроев. Еще раз о ⲛ̀ϩⲣ̀ⲟⲧ (*ЕвИуд* 33.18–21) 56

Р.В. Ким. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62

А.Б. Куделин. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75

М.М. Юнусов. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100

М.Е. Кравцова. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126

И.С. Гуревич. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137

С.Л. Невелева. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.К. Муминов. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159

Ф.О. Нофал. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177

М.С. Пелевин. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

И.Н. Медведская. Копьеносец из Сиалка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке 192
Чжан Хуэймин. Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке) 203

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

С.М. Якерсон. Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения 233
Валравенс Хартмут. Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке) 240
Пэн Сян-цянь, *Ю.С. Мыльникова.* Китайское тангутоведение в начале XXI века 257

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.М. Юнусов. Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева 266
И.Ф. Попова. «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга 271
И.В. Базиленко. Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)» 276
Д.А. Носов. Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.) 279
М.А. Редина. Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева 282
А.В. Зорин, *А.А. Сизова*. Вторые петербургские тибетологические чтения 284
А.И. Колесников, *О.А. Воднева*, *З.А. Юсупова*. Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока» 287
И.В. Кульганек. XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие» 292
И.В. Базиленко. Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)» 295
К.Г. Маранджян. Международная конференция «Азия и японская идентичность» 300
Т.В. Ермакова, *Е.П. Островская.* Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 303
С.Л. Бурмистров. 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество». 306

РЕЦЕНЗИИ

Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (*И.В. Кульганек*) 310
Монголика-X: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (*М.П. Петрова*) 313
Michail Rodionov, *Hanne Schönig*. The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (*И.В. Герасимов*, *О.Б. Фролова*) 315
А.И. Колесников. Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (*Ю.А. Иоаннесян*) 319

IN MEMORIAM

Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (*И.Ф. Попова*) 322

На четвертой сторонке обложки:

Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084
(к статье К.М. Богданова)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Г.Е. Ковтунович
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
О.В. Волкова
А.Е. Танчарова
Е.А. Пронина

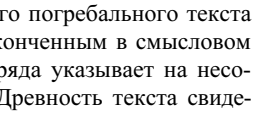
© Российская академия наук, 2013
© Институт восточных рукописей РАН, 2013

Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН

Предисловие и перевод К.М. Богданова

В статье представлены краткое исследование и перевод ритуального погребального текста XI–XIII вв. Несмотря на небольшой объем, эта рукопись является законченным в смысловом отношении текстовым фрагментом. Приведенное в нем описание обряда указывает на несомненную общность тангутской и тибетской религиозной традиции. Древность текста свидетельствует о том, что эта традиции в контексте тибетской культуры сохранилась до наших дней.

Ключевые слова: тангутский фонд, Хара-Хото, погребальный обряд, тангутский буддизм.



С радостным сердцем и чистым умом взойди /на небо/.
Сыграв /роль/ в этом великом действе, иди вперед!
Принеся великую жертву, вперед отправляйся!
Исполнив великий закон, следуй вперед!
(Погребальный обрядник, инв. № 4084, стр. 4, строки 6–7)

Данный рукописный текст был отобран для исследования во время работы по инвентаризации тангутского фонда ИВР РАН, которая проводилась под руководством Е.И. Кычанова (1932–2013) в 2005–2012 гг.[1]. Как правило, в процессе данной работы особым образом фиксировались книги, которые по способу брошюровки отличались от традиционной или стандартной брошюровки (книга-потхи, книга-свиток, книга-гармоника) канонических текстов и представляли собой небольшие книжки, сброшюрованные по типу тетради. Данная рукопись представляет собой книгу, сброшюрованную в виде тетради, размер 17,5×12,3 см, состоящую из двух листов с текстом с обеих сторон. Текст написан достаточно отчетливым курсивным почерком, в котором вместе с тем угадывается стиль письма, что сразу привлекает к нему внимание (см. илл. 1–4). Что касается даты его создания, то мы правомерно относим его, как подавляющую часть всей коллекции П.К. Козлова (1863–1935), к XI–XIII вв. Характеризуя структуру текста, на основе внешних признаков отметим, что он состоит из стихотворного и прозаического текста. Прозаический текст содержит 15 знаков в строке, стихотворная строка состоит из двух частей, разделенных цезурой на письме, содержащих по семь знаков в каждой части. Этот небольшой по объему рукописный фрагмент является частью обрядового похоронного цикла, вместе с тем он обладает общей смысловой целостностью, что является основой для его исследования.

[1] Этот рукописный фрагмент не отождествлен. Он был внесен в инвентарный список Е.И. Кычановым в процессе инвентаризации материалов тангутского фонда в 1950-х годах.

© Богданов К.М., 2013

Законченность текста, читаемый почерк и хорошая сохранность рукописи в значительной степени облегчали его прочтение и понимание[2]. Отправной точкой этого небольшого исследования явился перевод надписи на правом верхнем поле стр. 3: [illegible] *«Ритуал /последовательность действий/ по рассечению в храме»*. Эта надпись, во-первых, достаточно ясно указывала на характер описываемого ритуала — дальнейшее знакомство показало, что это действительно погребальный обрядник. Во-вторых, характерное для тангутских книг расположение надписи на поле листа перед основным текстом указывало на то, что это название предшествующего или, скорее всего, последующего раздела сочинения или текста одного цикла[3].

Перейдем теперь непосредственно к тексту памятника. Указанием на практическое применение обрядника является слово-формула *имярек* в строке текста, в которую при чтении вставляется имя умершего или умирающего человека, над которым совершается обряд: [illegible] (стр. 2) «Жизнь *имярека* заканчивается, тело подвергнется изменениям, в трех мирах претерпит изменения — все этому закону подчинено». Из дальнейших строк становится ясно, что лама читает ритуальный текст над телом человека, который является не мирянином, а «учеником», т.е. монахом, подвижником, идущим по пути буддийского вероучения: [illegible] (стр. 3) «*Тело подверглось изменениям*, *ученик на небо взойдет*!» Эта личностная и одновременно социально-сословная характеристика умершего определяет внешнюю форму и внутреннее содержание обряда. Текст категорично постулирует положения учения, имеющие отношение к данному ритуалу, и установленные правила. Все эти правила традиционно подкрепляются различного рода метафорами и сравнениями, которые должны способствовать правильному и глубинному восприятию сути ритуала. Вместе с тем благодаря этим метафорам текст, несомненно, обретает определенную художественную ценность. Основные его идеи заключаются в следующем. Осознав момент смерти, следует немедленно и решительно отказаться от привязанности к телу, которое недолговечно и хрупко: [illegible] (стр. 1) «*Не привязывайся и не люби тело*! *Человеческое тело недолговечно*, *другое одалживаешь…*» Таковы начальные строки исследуемого фрагмента, и этот призыв повторяется неоднократно при чтении во время совершения обряда. Тело является воплощением и символом бренного и иллюзорного мира, который также следует отвергнуть. Вместо этого дух умирающего (или уже умершего человека) призывают обратить все помыслы к буддийской вере, приложить все усилия, чтобы очистить [illegible] (кит. xin 心 — «ум», «сознание») от всякого рода аффектов, с этим новым качеством бестелесного бытия вознестись на небо и затем, если это должно произойти, обрести новое благоприятное рождение. Остановимся на некоторых особенностях ритуала, зафиксированных в тексте[4], которые обратили на себя внимание и позволяют сравнивать их с поздними описаниями погребальных обрядов тибетцев, бурят, монголов. Рукопись содержит следующие строки: [illegible] (стр. 2) «*Слушай о прекращении жизни и изменениях*, *которые претерпит тело*! *Это есть вели-*

[2] Эти характеристики достаточно редкое явление для тангутских книг из Хара-Хото, которые в большинстве своем сохранились в виде различной величины фрагментов.

[3] Возможно, это рукопись-конволют.

[4] Это ключевое понятие буддийской философии в русской синологии традиционно принято переводить как «ум», «сознание». Однако такой перевод не отражал полностью смысл, заключенный в этом понятии. Е.А. Торчинов, например, использует в данном случае точный перевод этого понятия, передающий полный смысл — «сердце-ум» (Торчинов, 2008). Мы будем использовать более привычный для русскоязычной традиции перевод такого понятия — «ум», в некоторых случаях применяя развернутый вариант толкования: «сердце-ум», «сердце» и «ум».

кий зонт, под которым можно найти прибежище. Это есть знамя, которое твое тело измеряет».

Эти строки могут быть указанием на истоки обряда, который позднее выглядел так: «Тибетец умирал… Имя покойного вместе с заклинаниями писалось на щите, напоминавшем зонт, который покрывался сверху хадаком. Перед щитом ставили пищу, ему поклонялись» (Кычанов, Савицкий, 1975, с. 159–160). «Перед трупом складывают лучшую одежду покойного, к ней прикрепляют изображение его души — …(напечатанное… на листке бумаги)» (Герасимова, 1981, с. 117). В этой связи необходимо упомянуть тибетский обычай изготовления флажков с изображением «коня-ветра», на которых указывали дату рождения человека и пожелание вознестись на небо подобно крылатому коню-ветру (Кычанов, Савицкий, 1975, с. 234). Р. Стейн также сопоставлял «tente du corps» («балдахин (зонт) тела») и флажки с изображениями «коня-ветра» в тибетской традиции (Stein, 1970, p. 170–171). Можно предположить, что заклинания, изображение души покойного есть символическое обозначение «заслуг покойного», которые он приобрел, когда у него было тело. Это также вполне соответствует концепции «тело-сознание» в учении Тантры, согласно которой «тело» означает только живую субстанцию, средство, с помощью которого субъект проживает жизнь, а не объект изучения патологоанатомов (Guenter, 1986, p. 148). В этом контексте добавим, что Р.Ф. Гомбрич подчеркивал идентичность, тождественность понятий «заслуги» и «хорошая карма», которая, являясь приобретенной при жизни, передавалась при следующем рождении (Gombrich, 1996, p. 56).

К.М. Герасимова, характеризуя процесс трансформации шаманских обрядов Центральной Азии под воздействием тибетского буддизма, указывала такой существенный момент ассимиляции, как отождествление ламы, проводящего обряд, с божеством данного ритуала: «Весь обряд совершается ламой от имени данной тантрийской формы Будды. Сила заклинания обеспечивается могуществом… святости Будды и в учении буддийской религии» (Герасимова, 1981, с. 122). В тангутском обряднике лама, читающий текст ритуала, как этого требует традиция, прославляет Будду:

[illegible] (стр. 3) «*Невозможно выразить словами могущество и мудрость Татхагаты*».

Далее, согласно ламаистскому ритуалу, следуют очистительные манипуляции с трупом, тело должно быть очищено от злых духов. «Тело покойного должно быть очищено от злого духа… нельзя впускать его внутрь» (там же, с. 118–119).

[illegible] (стр. 3) «*В храме мертвое тело рассекут, /затем тело/ унесено будет. /Так,/ в храме вся иллюзорность /этого/ мира постигнута /будет/. Старший племянник держит голову, более всех радуется*»[5]. Как было указано выше в названии данного раздела обрядника, речь идет о ритуале рассечения тела, которое выполнялось в определенной последовательности. Можно предположить, что первоочередное отсечение головы имело особое значение для посмертной судьбы умершего[6]. У многих народов существовало особое отношение к скелету, костям. Так, у бурят существовал запрет ломать кости животных при охоте на них, особенно это относилось к черепу (Галданова, 1987, с. 49). Тибетцы верят, что в костях остается душа, и, проводя очистительные обряды с трупом, «…стремятся дробить кости покойников» (Герасимова, 1981, с. 119). С этим комплексом верований связано представлением о том, что после смерти человека наиболее подходящим

[5] См. ниже комментарий к переводу.

[6] Возможным указанием на эту часть ритуала являются следующие строки в оригинальном тангутском тексте: «На погост положили — ног и головы лишили…» (Вновь собранные драгоценные парные изречения, 1974, с. 94).

вместилищем души, жизненной силы является череп. Данное представление о сакральности головы находит подтверждение в погребальных (и не только) ритуалах народов Центральной Азии. У тибетцев «душа была связана с некоей субстанцией жизни, „ветром“, „конем-ветром“», которая находилась в голени ноги. Если умирал человек, достигший святости, то его душа сама находила путь на небо, в процессе погребального обряда над обычным человеком, мирянином «лама специальными обрядами и заклинаниями как бы давал ей выход через макушку головы умершего…» (Кычанов, Савицкий, 1975, с. 234). У монголов с головой связано понятие «сулдэ» (одно из значений — «жизненная сила»). «По сведениям „Сокровенного сказания“, Гурбесу, мать найманского Даян-хана, приказала привезти голову… Ван-хана и… совершила перед ней жертвоприношение, ибо Ван-хан был древнего рода… Предание об онгоне Буртэ говорит, что при переселении бурят из Монголии один из них привез с собой отрезанную голову своего отца… как самое существенное» (Галданова, 1987, с. 49–50). В этом же исследовании приводится благопожелание, записанное Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942), часть содержит строки: «…седую голову свою потомкам отдай» (там же, с. 50). Все эти действия по рассечению трупа, в основе которых, возможно, находятся древние шаманские ритуальные жертвоприношения, освящаются буддийским обрядом, суть которого — «магическая унификация… превращение в пустоту» (Герасимова, 1980, с. 67). Эта изначальная и конечная пустотность, иллюзорность тела постоянно подчеркивается и в тангутском обрядовом тексте. Здесь оно неоднократно сравнивается с «центром пустоты», уподобляется «скоплению облаков», «отражению луны в воде океана».

Злые духи изгнаны, тело и душа очищены должным образом. И тогда лама призывает дух умершего отказаться от чувственного мира, отказаться от всего, что составляет сансарическое пребывание в нем: чувств, привязанностей, влечений и обратить свое устремление к Трем драгоценностям буддийской веры. Тангутский текст подтверждает древность этой традиции: 縨緩敶穱豕穀疹緪緇散漿絕蘢繯緪 (стр. 2) «*По этой причине тот, чья жизнь заканчивается, чье тело подвергается изменениям, у Трех Высочайших Драгоценностей защиты искать должен*».

В заключение мы хотели бы обратить внимание на смысловую близость данного обрядника и тибетского сочинения «Бардо тодол»[7], известного как «Тибетская книга мертвых»[8], которое пользуется значительной популярностью — если это слово уместно применить к подобного рода сочинениям, — с момента опубликования английского перевода с комментарием К.Г. Юнга (1875–1961) в Европе в 1927 г. Это сочинение, предположительно созданное в IX в., приписывается Падмасамбхаве. Оно относится к так называемым «потаенным текстам» или «сокровенным книгам», спрятанным в период гонений на буддистов в тот же исторический период[9]. В течение долгого времени этот текст, или, скорее, цикл текстов, возможно, претерпел неминуемые изменения, и только в XIV в. был зафиксирован письменно в том варианте, с которого был выполнен перевод, опубликованный У.И. Эвансом-Венцом (1878–1965).

[7] Существуют различные варианты транскрипции этого названия. Так, например, в книге А.И. Вострикова «Тибетская историческая литература» — «Бардо тойдол» (Востриков, 2007, с. 46).

[8] Это условно-символическое название этого текста, употребленное изначально при переводе на английский язык. Существует известное количество переводов, передающих суть данного понятия. Например, А.А. Терентьев в справочном издании по буддизму дает следующий перевод: «Освобождение благодаря слушанию в переходном состоянии» (Словарь «Буддизм», 1992, с. 240).

[9] Этот апокрифический текст по большей части цитируется и упоминается в эзотерической литературе. В тибетологических исследованиях существует неоднозначное отношение к этому тексту. Например, А.И. Востриков критически относился к истории создания и предполагаемому авторству этого сочинения (Востриков, 2007, с. 46).

Надо признать, что учение о пребывании в промежуточном состоянии между смертью и следующим рождением (санскр. *antarābhava*, тиб. *бардо*) детально изложено в буддийских канонических и философских текстах. Это учение стало особенно распространено и практически применялось в Тибете. Этот процесс неминуемо сопровождался созданием обрядовых текстов разной величины и структуры, где в доступной для понимания и применения форме изложены его положения, и, возможно, «Бардо тодол» всего лишь один из их числа. Возвращаясь к тангутскому погребальному обряднику, можно предположить, что он также является одним из текстов, отражающим учение о *бардо*, предназначенным для практического и обиходного применения. Он генетически и идейно связан с этим учением и текстом «Бардо тодол», в нем отражен ряд тех же идентичных ключевых понятий, и тем самым тангутский текст подтверждает достоверность учения и свидетельствует, что при его передаче линия преемственности — как это и предписывается традицией, — была сохранена.

Перевод

Илл. 1 — рукопись, инв. № 4084, стр. 1

1. Не привязывайся и не люби тело! Человеческое тело не долговечно, другое одалживаешь[10].

2. Подобно материальному миру, знатность и богатство не долговечны и не постоянны — как пузыри на воде. Поэтому

3. Не следует быть привязанным к телу.

4. Жизнь заканчивается, тело подвергнется изменениям[11], не следует быть /к нему/ привязанным[12]. Человеческое тело подобно центру пустоты[13], скоплению облаков.

5. Долго не существует, гибнет мгновенно. Это подобно закону для /этого/ мира[14].

6. Подобно центру пустоты, подобно восходящей луне, отражение[15] которой возникает в водах океана, —

7. — Хотя луна отражается в воде, /ее там/ нет, в водах океана нет луны.

Илл. 2 — рукопись, инв. № 4084, стр. 2

1. Для /этого/ мира — это подобно закону. Жизнь заканчивается, тело претерпит изменения — следует осознать это[16].

---

[10] Поскольку весь текст представляет собой призыв в форме монолога, обращенный к тому, кто слушает, мы сознательно решили не использовать знаки препинания, применяемые для выделения прямой речи.

[11] Обряд совершается над умершим или умирающим человеком. Текст ритуала не определяет эту временну́ю характеристику. Соответственно при переводе мы не будем каждый раз оговаривать существование альтернативы, которая в русском языке выражается при помощи категории времени: «жизнь заканчивается или закончилась, тело претерпевает или претерпело изменения».

[12] В тексте буквально «нельзя любить».

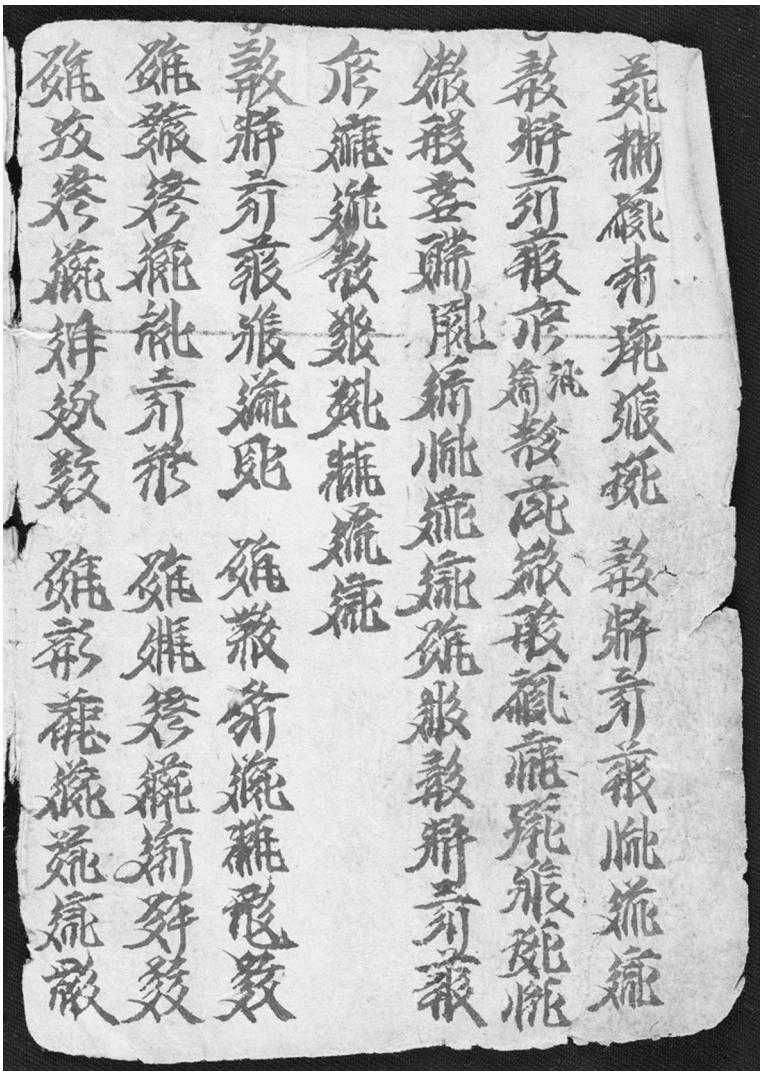
[13] Имеется в виду «шуньята» (санскр. śūnyata) — пустота, термин, которым обозначается одно из ключевых понятий буддийской философии.

[14] Грамматическое строение фразы допускает варианты ее перевода. Знак 4179, 𗍊 в словаре Е.И. Кычанова (в дальнейшем — Словарь ЕК), как правило, в подобных текстах традиционно переводится как «буддийская дхарма». Метафора, несомненно, может также содержать в себе указание на неотвратимость и универсальность закона дхармы. Однако здесь было выбрано буквальное, возможно, более упрощенное толкование «закон».

[15] В тексте употреблен знак 𗍬 «тень» (Словарь ЕК, 2454), однако по контексту мы переводим его как отражение.

[16] Буквально именно так в тексте — подчеркивается длительность процесса умирания, а не констатируется некая законченность — смерть. Аналогичным образом — тело (точнее тело-сознание) именно трансформируется (но не просто разрушается!), обретая свойства, необходимые для следующего воплощения.

Илл. 1 – рукопись, инв. № 4084, стр. 1



Илл. 2 – рукопись, инв. № 4084, стр. 2

Илл. 3 – рукопись, инв. № 4084, стр. 3

Илл. 4 – рукопись, инв. № 4084, стр. 4

2. Жизнь *имярека з*аканчивается, тело подвергнется изменениям, в трех мирах[17] претерпит изменения — все этому закону подчинено[18].

3. Не твердый плод человеческое тело, /прочной/ основой не обладает — следует осознать это.

4. По этой причине тот, чья жизнь заканчивается, чье тело подвергается изменениям, у Трех Высочайших Драгоценностей защиты искать должен»[19].

5. Слушай о прекращении жизни и изменениях, которые постигнут тело! Это есть великий зонт, под которым можно найти прибежище.

6. Это есть знамя, которое твое тело измеряет[20]. Это есть объяснение того, где находится /мирская/ слава.

7. Это есть то, в чем, подобно жемчужине /в раковине/, обитает сознание.

/Вместе с тем/ это вместилище скверны есть /всего лишь/ верхний покров.

Илл. 3 — рукопись, инв. № 4084, стр. 3

1. Слушай о прекращении жизни и изменениях, которые постигнут тело! Не выразить словами могущество и мудрость Татхагаты[21]!

2. Мое могущество велико и имя прославлено, /я/ старейший среди потомков /из рода/ самого Татхагаты[22],

3. в руках секиру, искусно заточенную, держу. В храме мертвое тело рассекут, /затем тело/ унесено будет.

4. /Так/, в храме вся иллюзорность[23] /этого/ мира постигнута /будет/[24]. Старший племянник держит голову, более всех радуется[25].

---

[17] Согласно буддийской космологии — три сферы, обитание в которых определяется индивидуальной кармой.

[18] Грамматика фразы допускает также такое толкование: «Подобно всем дхармам трех миров, /которые/ изменяются…»

[19] Три буддийских драгоценности — Будда, Дхарма, Сангха.

[20] Возможно, имеются в виду заслуги, обретенные при жизни. См. Предисловие.

[21] В переводе с санскрита tathāgata — «так ушедший», один из эпитетов Будды.

[22] Эта фраза, при условии правильного перевода, представляет особый интерес и содержит ряд вопросов. В ней утверждается, что исполнитель жертвоприношения, старший из потомков усопшего, принадлежит к роду Татхагаты. Вероятнее всего, это некая метафора, которая отражает отождествление исполнителя ритуала с его божеством.

[23] Проблему правильного понимания данной строки представляет нечетко написанная верхняя часть левого знака идеографа, который может быть прочтен как: 冤 — «чары, наваждение» (Словарь ЕК 4913), 冤 — «неделимое» (словарь ЕК 4914). Этот тип идеографа в определенном написании левой его части (без двух верхних горизонтальных черт) имеет значение «пустой» (Невский, 1960, т. 1, с. 494). Однако, как правило, идея пустоты передается в тангутских текстах (и в том числе в данном обряднике) идеографом 羲 (Словарь ЕК 2735). Поскольку правый знак в идеографах 4913, 4914 в словаре Кычанова и в идеографе со значением «пустота» в словаре Невского является графемой-детерминативом со значением «демон» (Кычанов, 2008, с. 397), то нельзя исключать возможность того, что в данной строке может идти речь о проявлении или постижении мира демонов, что, в свою очередь, может быть непосредственно связано с очищением тела во время ритуала.

[24] В тексте буквально «раскрыта /будет/».

[25] В тексте неоднократно упоминается потомок умершего человека как участник и исполнитель погребального ритуала (см. стр. 3, строка 2–4, стр. 4, строка 5). Это указание на фиксированное обычаем участие определенных родственников покойного в определенных частях погребального ритуала требует отдельного исследования с привлечением дополнительных источников. Упоминание «старшего племянника» и «старшего потомка» подразумевает особое значение родства по линии отца, что характерно для родственных отношений, существовавших в тангутском обществе в определенный исторический период (Кычанов, 1997, с. 72–78). В тексте номинально упоминаются два потомка: старший в роду, который рассекает тело, и «старший племянник», который держит голову. Нельзя исключать, что это одно и то же лицо. Остается также неясным: являются ли одним лицом «потомок» и лама, исполняющий ритуал и отождествляющий себя в момент ритуала с самим Татхагатой?

5. Тело подверглось изменениям, ученик на небо взойдет! С исполненным радостью сердцем-умом[26] в стране Будды родится.

6. Отправляйся же с умом, очищенным от заблуждений[27]! Освободи ум от яда привязанности[28]!

Илл. 4 — рукопись, инв. № 4084, стр. 4

1. Не торопи ум, который совершенствуется. С умом, очищенным от заблуждений, следует уйти!

2. Тело претерпевает изменения, ученику немедленно следует осознать это! Слушай о прекращении жизни и изменениях, которые постигнут тело!

3. Жилище мирское, темное, не выдерживает испытаний. Внутри него обитаешь — болезни-препятствия возникают[29].

4. Много дней пройдет, тело подвергнется изменениям. Немедленно эта обитель должна быть оставлена.

5. /Когда/ потомок[30] с секирой в руке головы коснется[31] — от всего /в этом/ мире, что любил и /чему/ подчинялся, надолго избавит.

6. С радостным сердцем-умом[32] взойди /на небо/. Сыграв /роль/ в этом великом действе, иди вперед!

7. Принеся великую жертву, вперед отправляйся! Исполнив великий закон, следуй вперед[33]!

Библиография

Буддизм. Словарь. М., 1992.

Вновь собранные драгоценные парные изречения: Факсимиле ксилографа / Изд. текста, пер. с танг., вступит. ст. и коммент. Е.И. Кычанова // Памятники письменности Востока. XL. М., 1978.

Востриков А.И. Тибетская историческая литература. СПб., 2007.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987.

Герасимова К.М. О некоторых аспектах ассимиляции добуддийских культов по тибетским обрядникам // Буддизм и средневековая культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1980. С. 67.

Герасимова К.М. Тибетоязычные обрядники ламаизированного культа шаманских предков // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 117–122.

Гране М. Китайская цивилизация. М., 2008.

Книга Марко Поло. М., 1956.

Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1969.

Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. М., 1975.

Кычанов Е.И. Словарь тангутского (Си Ся) языка. Киото, 2006.

Кычанов Е.И. История тангутского государства. СПб., 2008.

[26] В тексте «с радостным умом». См. Предисловие, коммент. к сноске 4.

[27] Буквально «с умом, /в котором/ устранены препятствия».

[28] Имеется в виду один из трех коренных ядов, препятствующих освобождению, — неведение, алчность (привязанность), ненависть (гнев).

[29] Имеются в виду преграды для освобождения.

[30] См. коммент. к сноске 25.

[31] Т.е., видимо, согласно ритуалу «отсечет голову».

[32] В тексте «с радостным умом». См. Предисловие, коммент. к сноске 4.

[33] Выражаю благодарность К.Ю. Солонину за содействие, оказанное в работе над переводом этого текста.

Море значений, установленных святыми: Факсимиле ксилографа // Изд. текста, предисл., пер. с танг., коммент. и прилож. Е.И. Кычанова. СПб., 1997.
Невский Н.А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. М., 1960.
Солонин К.Ю. Обретение учения. Традиция Хуань-Чань в буддизме тангутского государства Си-Ся. СПб., 2007.
Тибетская книга мертвых. Перевод с английского языка. СПб., 1994.
Торчинов Е.А. Краткая история буддизма. СПб., 2008.
Философия буддизма. Энциклопедия. М., 2011.
Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Т. 1, 2. Новосибирск, 1991.
Gombrich R.F. How Buddhism Began. The Conditioned Genesis of the Early Teachings. Cambridge, 1996.
Guenther H.V. The Life and Teaching of Nāropa. Shambala. Boston & London, 1986.
Stein R.A. Un document ancient relatif aux rites funéraires des bon-po Tibétains // Journal Asiatique. T. CCLVIII, fasc. 1–2 (1970), p. 170–171.

Summary

Ritual Funeral Text from the Tangut Collection of the IOM, RAS
Introduction and Translation by *K.M. Bogdanov*

This article is a translation and short textual study of an unidentified Tangut text from the IOM, RAS, collection. This small manuscript fragment is not in existing catalogues of this collection. Because of its type of binding and legible handwriting it attracted attention during the later stage of cataloguing work with this collection that was being performed over the last few years. Though it is merely a small fragment of text, it contains the specific traits of ancient lamaic funeral ritual that allows comparing it with similar religious and cultural traditions of the same and later periods of history in Central Asia. As a comprehensible text in Tangut language, it provides additional facts and data about the religious and cultural everyday life of Tanguts in the period of Xi-Xia.